

Неприятность. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Неприятность. Максим Горький

Миляев, поэт из признанных, дописавшийся до эпитета «маленький, но симпатичный талант», мужчина лет под тридцать, с пышной шевелюрой и тёмными карими глазами, пришёл в гости к своим знакомым, но застал дома только сестру хозяйки дома, гимназистку седьмого класса, Верочку.

Ему некуда было идти, и он решил посидеть несколько времени с девочкой, тем более, что она заявила ему:

– Сестра скоро воротится.

Он заметил в её меланхоличных серых глазках желание задержать его, снял пальто, прошёл с нею на террасу, любуясь её смущённым и довольным личиком.

Там они сели за стол друг против друга, и он стал ждать, как девочка будет играть роль хозяйки дома, нарочно не говоря ничего, чтобы продолжить её замешательство, которое льстило ему.

Он пользовался у женщин репутацией «неотразимого», знал это и никогда не прочь был лишний раз убедиться в этом. Конечно, Верочке ещё только семнадцать, но почему не поиграть и с котёнком? Иногда это забавно.

Было часов около девяти августовского вечера. Темнело. Сад одевался тенями, деревья стояли неподвижно, всё кругом точно задумалось в предчувствии близкой осени. В воздухе стоял тонкий аромат цветов, в небе красивым узором раскинулась прозрачная группа перистых облаков, а на террасе царило молчание, грозившее стать неловким, если оно затянется ещё минуты на две.

Миляев смотрел на бледное личико Верочки, нервно перебиравшей пальцами концы лёгкого платка, накинутого на её плечи, смотрел и думал:

«О чём бы с нею заговорить? Вот неудобство знакомств с этими барышнями, болтать они ещё не умеют, ничем не интересуются, ничего не понимают».

И, опытный ловелас, он сам начинал чувствовать некоторое смущение перед ребёнком, который, сидя против него, украдкой наблюдал за ним глазами, полными не то каким-то серьёзным вопросом, не то только желанием как-нибудь прекратить это неловкое молчание.

Он рассмотрел уже её всю до мельчайших деталей, умелым взглядом знатока, и нашёл, что в общем она, эта девчурочка, отнюдь не дурна. Странно, что раньше он не замечал этого.

– Пётр Николаевич! – вдруг робко заговорила она, кутаясь в платок.

Он с вопросительной улыбкой на губах ждал продолжения, изучая её лицо, вспыхнувшее яркой краской волнения.

– У вас много стихов? Дома... не напечатанных ещё?

– Да... есть... А что?

– Так... Я бы хотела все, все прочитать их.

– Это мне лестно слышать. А вы читали уже мою книжку?

– О, да! Сколько раз. И много знаю из неё наизусть. Некоторые стихи мне ужасно нравятся. Ужасно! Я вся дрожу, когда читаю их.

– О! Вот как даже. Это какие – можно знать?

– Много! Особенно нравятся мне те, в которых вы говорите о себе и о... своём горе...

Они такие красивые, грустные... как вечера, то есть как последние солнечные лучи,

Неприятность. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пред тем как угаснуть, – я не знаю, как сказать!

– Да вы поэтесса! Вы сами, может быть, пишете? А? Ну, скажите? Или нет, вот что, скажите мне те стихи, которые вам больше других нравятся. Пожалуйста!

– Да я не знаю... у меня так много любимых! – И она снова вся зарделась от смущения.

– Говорите первое, которое вспомните! Мне будет крайне приятно послушать вас. Вы, как птичка, прощечечете. Ну, прошу же вас, Верочка!

Она откинулась на спинку садового кресла, закрыла глаза, ровно качая головой, очевидно, в ритм стихов, повторяемых ею про себя, и через минуту, смущённо улынувшись, неуверенно начала:

– Вот...

Дремлет сад... И небо дремлет...

И, впивая аромат

Сонных роз, высоко в небе

Крошки-звёзды тоже спят...

Вот плывут куда-то тени,

Тихо, медленно плывут,

И моё больное сердце

В даль с собой они зовут.

Под окном моим сквозь дрему

Шелестит ветвями клён,

У корней его левкой

Погрузились в сладкий сон.

И, когда над садом ветер

Вдруг задумчиво вздохнёт,

Мне лицо их тонкий запах

С тихой лаской опахнёт.

Но зачем? Я этой лаской

Не утешен, не согрет.

Что цветы мне, что мне звёзды,

Если в сердце жизни нет.

– Это мне нравится потому, что просто так. Просто и грустно очень. И потом рифмы через строчку и так отрывисто, – видно, что это прямо из сердца, как осколки чего-то разбитого, упало на бумагу.

– А вы хорошо, тонко понимаете, – сказал Миляев, сильно польщённый и заинтересованный ею. – Знаете, скажите ещё что-нибудь. Прошу вас, вы так мило и умно читаете!

– Ещё вот эти мне очень нравятся, – ободрённая похвалой и теряя смущение, с блестящими теплом и светом глазами сказала она. – Вот эти, я их не совсем понимаю, но они тоже такие грустные. Вы просите кого-то:

Подожди ещё немножко!

Поласкай меня, помучь

До поры, пока в окошко

Не заглянет солнца луч!

Он заглянет – ясно станет,

Что здесь были ночь и ты...

Он быстро остановил её, боясь быть скандализированным... Стихотворение было нескромно, и она, очевидно, не понимала его соли.

– Ах это? Но скажите...

– Что мне нравится в нём? – перебила она.

– Нет, то есть, пожалуй, да.

– Видите ли, вы говорите далее, что луч солнца разрушит ваши грёзы и мечты о неземном счастье, снова возвратив вас к действительности, и что снова грустные песни раздадутся в вашем сердце. Вы не любите действительности, и днём вам всё кажется грубым и дурным... и в то же время вы говорите, что вам всегда приятно

Неприятность. Максим Горький gorki.ucoz.ru
видеть, как первый солнечный луч возвращает вас к реальному, убивая своим светом
ночные видения и чувства... Я не понимаю – почему это?

Почему вам «сладко видеть разрушение светом солнца ночи грёз».

«Скажите! – подумал про себя Миляев. – Вон что она открыла, непременно
воспользуюсь её толкованием, как темой для стихотворения».

Думая, он сделал себе грустное лицо – он всегда, говоря о себе, делал грустное и
убитое лицо человека, обиженного жизнью и разочарованного в ней. Это не ново, но
всегда производит впечатление на женщин.

– Почему, говорите вы? А видите ли, не знаю, поймёте ли вы меня... Постараюсь быть
понятным. Для людей моего типа всегда есть и будет:

...Наслаждение в бою

И бездны мрачной на краю...

Я не умею верить, и, право, мне нечего ждать от жизни. Я одинок. Меня не
понимают. В то же время я много горячо хочу и знаю – не найду я ничего,
ничего! Но, по собственному человеку стремлению к лучшему, я увлекаюсь,
воображаю, несколько минут живу миражами воображения и – сам разрушаю их. Сам, –
раньше, чем это сделает жизнь. Опережая её, я чувствую горькое довольство самим
собой. И это всё, чем я живу.

Он сделал паузу, думая про себя:

«Немного топорно, но всё равно! Девочка ничего не понимает и, конечно, не станет
ловить меня на противоречии с самим собой или читать мне мораль».

Девочка, опустив головку, молчала, слушая его. Пауза заставила её вздрогнуть, и
она быстро вскричала с печалью и болью в голосе:

– Так! Я так и представляла вас себе. Но это... страшно! Какой вы... – она
оборвалась, бледная и робкая.

– Какой я? – мягко спросил он, наклоняясь к ней.

– Несчастный... – тихонько сказала она, снова печально опустив головку. И
несколько спустя прибавила ещё тише: – Но хороший!..

Он улыбнулся, рассматривая её хрупкую фигурку и порозовевшие кончики ушей, так
красиво осыпанные шелковинками русых волос.

– Да... живётся нелегко... Из любопытства живёшь, говоря поистине.

– То есть как? – широко открыв глазки, переспросила она испуганно и робко.

– Живёшь единственно из холодного желания знать, какой мелочью завтра будет
отличено от сегодня? А настоящего, горячего желания жить... даже желания желать
чего-либо – нет. Душа опустошена жизнью. Холодно и скучно. Позвольте, что вы,
Верочка! Простите... я вас расстроил?

Да, она плакала. Она приняла все его слова за чистую монету и плакала. Он забыл,
что имеет дело с ребёнком, и несколько пересолил. Это было уже неприятно. И
неприятность увеличилась ещё тем, что её лицо, всё в слезах, перестало быть
красивым, по-детски сморщилось, потеряло всё привлекательное. Плечи у неё уже
дрожали, и можно было ожидать, что она разрыдается. Он не знал, что делать с
ней. Если бы это была женщина, он подошёл бы и взволнованно начал благодарить её
за эти святые, бескорыстные слёзы, за это участие к нему, одинокому
страдальцу-поэту, поцеловал бы её руку – почтительно, с глубоким уважением, шею
– благоговейно и кончил бы страстным поцелуем в губы; это всегда так начиналось
и заканчивалось.

Но это девочка! Что ему делать с ней?

«Вот идиотское положение! – мысленно ругался он, чувствуя себя способным надрать
ей уши за эту сцену. – Дёрнул же меня чёрт говорить с ней. Вот что значит

Неприятность. Максим Горький gorkiymaxim.ru
привычка. Извольте, сердце моё, пользоваться плодами сей победы! Ф-фу!»

– Если бы... я... могла... – тихонько шептала она сквозь слёзы.

– Успокойтесь, Верочка! – молил он, вертясь около её стула и ожидая, что вот раздастся звонок, воротится сестра этой плаксы и – это будет картина!

– Я всю бы... себя... вам... жизнь...

«Начинается истерика!» – трагически воскликнул он про себя.

– Верочка! Я уйду! Успокойтесь же! Молю вас.

Но ей трудно было успокоиться. Она была так взволнована, ей было так жалко никем не понятого поэта, стихи которого так музыкально-грустны и так близки, знакомы ей...

– Прощайте! До свидания!

Она не отвечала. Он уходил... Куда? Ей представилось, как он медленной походкой человека, несущего в своей груди много горя, которого ему не с кем разделить, идёт один по тёмной улице и тень его движется рядом с ним по земле. И ему так грустно, больно и боязно своей тени, единственно близкой ему.

Верочка, быстро отирая лицо, просительно заговорила:

– Не уходите! Я не буду больше плакать. Оставайтесь со мной.

Ей так хотелось броситься на его грудь и целовать его долго, много, крепко.

Но когда она подняла голову, его уже не было на террасе. Издали доносились торопливые шаги по полу комнат.

– Пётр Николаевич! – умоляюще крикнула она. Потом, подождав немного ответа, снова бросилась в кресло и заплакала.

* * *

А он быстро шел по улице и чувствовал себя скверно.

«Зачем я заговорил с ней об этом? Вызвал слёзы. К чему мне они? Кража, вымогательство из любви к искусству. Вот уж сыграл дурака! Но всё-таки она премиленькая шельмурилка! И если её сестра умнее её, то... Ну это, положим, глупости! А, впрочем, почему бы? Возня. Женщины – проще. Однако, как я бегу!»

Он пошёл тише.

«А всё-таки она взволновала меня. Лестно, чёрт возьми! Нужно будет посвятить ей маленькие стихи, с раскаянием и с преклонением пред её девственной чистотой. Нет, лучше не нужно. А то она и в самом деле втюрится по уши. Однако, как всё это скучно! Куда бы пойти?»

Луна всходила.

Ночь была такая тёплая, ясная, звёздная.

Но было ещё не поздно, в воздухе над городом носился глухой шум жизни, – жизни, в которой так много лишнего и так мало необходимого.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Неприятность. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!